

© 1999 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

НАРЕЧИЯ ЕДВА И ЕЛЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

В чрезвычайно интересной и богатой материалом статье В.Ю. Апресян [Апресян 1997] анализируются, среди прочих, наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. При всех достоинствах, предложенная автором интерпретация нам кажется не до конца удовлетворительной, и возможен, по-видимому, несколько иной подход, в какой-то мере соединяющий свойственную толкованиям В.Ю. Апресян высокую объяснительную силу и присущую дефинициям А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987] простоту. Чтобы достичь простоты, нужно стремиться к предельно скупому метаязыку, содержащему понятия либо примитивные, либо близкие к этому, либо – если такое условие не соблюдено – имеющие широкое стороннее обоснование. Одно используемое нами достаточно нетрадиционное понятие представляет, по нашему мнению, немалый теоретический интерес.

В.Ю. Апресян выделяет у *ЕДВА* и *ЕЛЕ* по два значения¹. Приведем ее толкования *ЕДВА*₁ и *ЕЛЕ*₁ [Апресян 1997: 17–18]:

Едва Р (*Хлеба едва хватило на всех; Был час пик, и машины едва двигались*) =

'1' 'а. существует ситуация Р;

б. Р существует, несмотря на неблагоприятные для Р обстоятельства;

в. Р существует, потому что имеются благоприятные для Р обстоятельства или потому, что кто-то прилагает к этому усилия;

г. из-за наличия неблагоприятных для Р обстоятельств прилагаются все возможные усилия;

д. если бы неблагоприятных для Р обстоятельств было немного больше или усилий прилагалось немного меньше, Р не существовало бы;

е. Р существует на нижнем пределе нормы;

ж. то, что Р существует на нижнем пределе нормы, заметно наблюдателю'.

Еле Р (*Мы еле достали билеты на самолет; Его принесли еле живого*) =

'2' 'а. существует ситуация Р;

б. Р существует, несмотря на неблагоприятные для Р обстоятельства;

в. Р существует, потому что тот, кто хочет Р, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для Р обстоятельства;

г. из-за наличия неблагоприятных для Р обстоятельств прилагаются все возможные усилия;

д. если бы прилагаемых усилий или благоприятных для Р обстоятельств было немного меньше, Р не существовало бы;

е. Р существует на нижнем пределе нормы;

ж. прилагаемые для существования Р усилия заметны наблюдателю'.

В этих дефинициях многое смущает.

Они громоздки и неудобопонимаемы, между тем как с интуитивной точки зрения наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ* кажутся вполне прозрачными. Разумеется, мы сплошь и рядом вынуждены мириться с весьма пространными экспликациями, однако в образцовых случаях они четко структурированы, а потому могут быть огрублены, свернуты – и при этом "основная идея" толкуемой единицы практически не искажается. Так, на-

¹ Временное (союзное) значение *ЕДВА* остается в стороне. Мы о нем еще скажем.

пример, более чем полустраничное определение слова *ХОРОШО* в [Boguslawski 1998, manuscript] можно резюмировать приблизительно следующим образом: Р *ХОРОШО* = 'Р имеет следствия, которые отвечают чьим-то желаниям'. Допускают ли подобную процедуру толкования '1' и '2', кажется сомнительным.

Далее, в роли метаязыковых используются такие понятия ('благоприятный', 'неблагоприятный' и 'обстоятельства'), которые сами нуждаются в прояснении и появление которых нелегко оправдать даже их широкой употребительностью.

Помимо этих возражений общего и, конечно же, не решающего характера, можно привести и более предметные.

1. Согласно '1а' и '2а', слова *ЕДВА* и *ЕЛЕ* сами по себе говорят, – а точнее, предполагают [Апресян 1997 : 18], что 'существует ситуация Р'. Получается, что о наличии Р сообщается дважды: и наречием *ЕДВА/ЕЛЕ*, и самим по себе Р (остальной частью предложения). Не вполне понятно, ради чего допускается такая избыточность. Действительно, фразы вида *ЕДВА Р* и *ЕЛЕ Р* предполагают, что Р, – но не в силу индивидуальной семантики *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, а потому, что эти слова принципиально рематичны. Причина их рематичности станет ясна ниже, здесь же только заметим, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ* свободно присоединяются к такому Р, которое само по себе совершенно тривиально и сообщение о нем без этих слов либо звучит очень странно, либо требует специфического, создающего неординарные ожидания контекста; ср.: ? *Штаны на нем держатся. Штаны на нем едва (еле) держатся; ?? Он существует. Он еле существует* (т.е. плохо себя чувствует). Еще важнее, что именно *ЕДВА* и *ЕЛЕ* попадают в фокус включающих предикатов; ср.: *Хорошо, что машины едва (еле) движутся: легче будет перейти улицу* – где положительно оценивается малость скорости, а не что-либо иное.

Раз *ЕДВА* и *ЕЛЕ* рематичны, то Р закономерно отодвигается в тему, т.е. в "окациональную пресуппозицию"².

2. Пункт 'б' в обоих толкованиях гласит, что 'Р существует, несмотря на неблагоприятные для Р обстоятельства'. Так ли это?

Можно сказать:

(1) *Ему созданы идеальные условия, а он все равно едва (еле) управляется с работой.*

Но идеальные условия несовместимы с наличием неблагоприятных обстоятельств. Это видно хотя бы из аномального примера:

(2) * *Ему созданы идеальные условия, но есть и неблагоприятные для работы обстоятельства.*

3. Обратимся к пунктам '1в' и '2в':

'1в' Р существует, потому что имеются благоприятные для Р обстоятельства или потому, что кто-то прилагает к этому усилия.

'2в' Р существует, потому что тот, кто хочет Р, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для Р обстоятельства.

Дизъюнктивный характер формулировок предопределяет, что лексемы *ЕДВА*₁ и *ЕЛЕ*₁ существуют каждая в двух вариантах: первый связан с благоприятными обстоятельствами, второй – с приложением усилий³.

Обратимся к приведенному В.Ю. Апресян примеру:

(3) *Хлеба едва (еле) хватило на всех.*

² Аналогичная ситуация складывается, между прочим, в предложениях с *ПЛОХО*, *МАЛО*, *РЕДКО* и др. Согласно [Булыгина, Шмелев 1988], такие наречия предполагают истинность подчиненной пропозиции. Однако как быть с сочетаниями *НЕПЛОХО*, *НЕМАЛО* и *НЕРЕДКО*, которые бывают частью широкой ремы и, таким образом, подобной презумпции лишены? Допустимо ли счесть, что пресуппозиция при отрицании исчезла?

³ Порядок дизъюнктов отражает, по замыслу В.Ю. Апресян, сравнительную частотность двух интерпретаций.

Если отбросить малоестественные интерпретации наподобие той, будто кто-то подвозил хлеб или иным способом пополнял его запасы, то предложение (3) ни о чьих усилиях не сообщает; отсюда должно следовать, что речь идет о наличии благоприятных обстоятельств. Однако в чем они могут состоять? Очевидно, только в том, что имеется то или иное заранее определенное количество хлеба⁴. В итоге понятие благоприятных обстоятельств расширяется до полной безынформативности: если имеет место какая-то ситуация, то необходимым образом имеют место и благоприятные обстоятельства, в частном случае – то обстоятельство, что кто-то прилагает усилия. Сообщать подобные сведения в толковании незачем, и от пунктов 'в' в их приведенной формулировке тоже приходится отказаться. (Об идее усилий, точнее – ресурсов, применительно к наречию *ЕЛЕ* мы еще скажем в конце работы.)

4. О сомнительности пункта 'г' ('из-за наличия неблагоприятных для Р обстоятельств прилагаются все возможные усилия') свидетельствует пример:

(4) *Этот здоровенный детина едва (еле) ноги переставляет: да он же над нами просто издевается.*

5. Пункты '1д' и '2д' опираются на предыдущие – отвергнутые нами – фрагменты толкований и потому тоже должны быть отвергнуты.

6. Итак, от толкований '1' и '2' остались по два пункта – 'е' и 'ж'. С пунктом 'ж', сообщаящим о наблюдаемости, скорее всего следует согласиться⁵, а пункт 'е' требует особого обсуждения, которым мы и займемся.

Здесь необходимо сделать одно замечание. Уже упоминалось, что В.Ю. Апресян, помимо *ЕДВА*₁ и *ЕЛЕ*₁, постулирует еще и второе значение *ЕДВА*₂ и *ЕЛЕ*₂. "Во втором своем значении *еле* и *едва* тоже предполагают существование ситуации на пределе нормы, но не как следствие ограниченности ресурсов или неблагоприятных обстоятельств. Ср.: (...) *Ветер едва (еле) шевелил листья*" [Апресян 1997 : 30]. Иными словами, *ЕДВА*₂ – это *ЕДВА*₁ без сем '1б' и '1д', а *ЕЛЕ*₂ – это *ЕЛЕ*₁ без сем '2б' и '2д'; но и для первого значения наших слов мы эти семы отвергли. Таким образом, два значения оказываются неразличимыми. С нашей точки зрения, это благоприятный результат, поскольку интуитивно они едины: не хотелось бы во фразах *Иван едва (еле) шевелится* и *Листья едва (еле) шевелится* усматривать разные значения рассматриваемых наречий. Ниже мы принимаем, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ* однозначны (временное значение *ЕДВА* мы условились не учитывать).

7. Пункт 'е' ('Р существует на нижнем пределе нормы') представляется наиболее важным, отражающим самую суть *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

В.Ю. Апресян пишет: "Некоторые ситуации имеют целый спектр возможных реализаций, помимо канонической, – как на нижнем пределе нормы, так и на верхнем. Например, для ситуации *идти* верхним пределом нормы будет *идти очень быстро, почти бежать*; если выйти за этот предел, она перейдет в ситуацию *бежать*. Нижним пределом нормы для ситуации *идти* будет реализация *идти очень медленно, еле идти, едва идти*. Если спуститься чуть ниже, то ситуация *идти* перестанет иметь место и перейдет в ситуацию *плестись, тащиться*" [Апресян 1997: 20].

Однако действительно ли здесь "некуда опускаться ниже"? Если *Ива и Петр оба едва (еле) идут*, значит ли это, что они идут с одинаковой скоростью? Если *Был час ник, и машины едва (еле) двигались*, то следует ли отсюда, что все двигались одинаково: ни одна не обогнала другую и даже не сократила и не увеличила дистанцию?

Кроме того, понятие 'нижний предел нормы' крайне туманно: в конце концов *плестись* и *тащиться* – это тоже *идти*. Возможность сколько-нибудь прояснить это понятие представляет, на первый взгляд, формулировка А. Вежбицкой (речь идет о польском *LEDWIEĆ*, которое весьма точно соответствует русскому *ЕДВА*): 'если бы

⁴ Примем мы отвергнутую выше сему '1б', получилось бы, что благоприятные и неблагоприятные обстоятельства здесь одни и те же, – ибо речь может идти только о количестве хлеба.

⁵ Вопрос о наблюдаемости не рассматривается, и соответствующую запись в толкованиях мы не вносим.

было лишь немного меньше, то Х не произошел бы' [Wierzbicka 1987 : 182]. Говоря иначе, если чего-то было бы меньше, то ситуации не было бы вообще. Однако с этим ни в коем случае нельзя согласиться, ибо здесь привлекается понятие "нуля" ('если было бы меньше, был бы нуль'), а оно принадлежит математическому, но отнюдь не наивному сознанию – что противоречит общепринятым ныне лингвистическим установкам (в том числе, и даже в первую очередь, – персональным установкам А. Вежибицкой).

Наконец, формулировка 'Р существует на нижнем пределе нормы' и в своем первоначальном виде, и будучи персинтерпретирована в духе А. Вежибицкой, плоха потому, что не объясняет важнейшую особенность *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Посмотрим, как нельзя и как можно продолжить фразы *ЕДВА* Р и *ЕЛЕ* Р:

- (5) а. * *Хлеба едва (еле) хватило на всех, так что все поели;*
б. *Хлеба едва (еле) хватило на всех, так что многие остались голодными;*
в. *Хлеба не хватило на всех, так что многие остались голодными.*
- (6) а. * *Был час пик, и машины едва (еле) двигались; поэтому я успел на совещание;*
б. *Был час пик, и машины едва (еле) двигались; поэтому я опоздал;*
в. *Машины не двигались; поэтому я опоздал.*
- (7) а. * *Мы едва (еле) достали билеты на самолет и (потому) прилетели вовремя;*
б. *Мы едва (еле) достали билеты на самолет и (потому) прилетели на день позже;*
в. *Мы не достали билеты на самолет и (потому) прибыли на день позже.*
- (8) а. * *Его принесли едва (еле) живого: медики быстро поставили его на ноги;*
б. *Его принесли едва (еле) живого: медики ничего сделать не смогли;*
в. *Его принесли неживого: медики ничего сделать не могли.*

Примеры показывают, что продолжить высказывание *ЕДВА* Р, *ЕЛЕ* Р можно только так, будто Р не имеет места: ср. аномальность предложений (а) и близкое сходство между (б) и (в).

Из формулировки 'Р существует на нижнем пределе нормы' такая "какбыотрицательность" *ЕДВА* и *ЕЛЕ* не вытекает⁶. Например, можно сказать:

- (9) а. *Наша волейбольная команда с минимальным перевесом победила гостей и (потому) вышла в финал;*
б. *В Фермопильском ущелье спартанцы и феспийцы ничтожными силами остановили персов и тем спасли войско своих союзников.*

Следствие в обеих фразах выводится не из 'малости', а из 'победила' и 'остановили': тем самым предложения (9а–б) уподобляются примерам (5а–8а), только последние аномальны, а первые даже не шероховаты.

Кроме того, компонент 'Р существует на нижнем пределе нормы' входит, согласно В.Ю. Апресян, и в семантику слова *ЧУТЬ*, а оно способно иметь как "негативное", так и "позитивное" значение. Ср.:

- (10) а. *Кофе чуть (≈ едва, еле) подогрет: пить его нельзя (на подогрет желательное ударение);*
б. *Кофе уже чуть подогрет: можно пить.*

Поэтому обсуждаемую формулировку необходимо по крайней мере уточнить.

ЕДВА Р и *ЕЛЕ* Р несут, в грубом приближении, смысл 'как бы не Р'. Он, разумеется, не имеет права войти в строгий метаязык и подлежит дальнейшей расшифровке.

Во-первых, 'как бы не Р' значит, что 'чего-то мало'. Например, в (5б) мало хлеба, в (6б) мала скорость машин, в (7б) малы какие-то ресурсы, необходимые, чтобы достать билет; в (8б) – мало признаков жизни или опять-таки необходимых для ее поддержания ресурсов.

⁶ Разумеется, не вытекает она и из касающихся наблюдаемости пунктов '1ж' и '2ж'.

Но этого, как видно из (9) и (10б), еще недостаточно. Надо задать ту меру 'малости', которая определяет свойственные *ЕДВА* и *ЕЛЕ* специфические "идиосинкразии". Здесь уместно ввести понятие 'общая оценка ситуации'.

Вполне правдоподобно считать, что индикативное высказывание, – во всяком случае, высказывание с оценочным элементом (который у *ЕДВА* и *ЕЛЕ* налицо) – ведет или не ведет к определенным следствиям⁷. Ср.:

(11) а. *Иван плохо починил радиоприемник (поэтому нельзя послушать новости; поэтому его придется нести в мастерскую; поэтому Иван не сдал экзамен в радиотехникуме и т.д.);*

б. *Иван мало работает (поэтому ничего не успевает, на плохом счету у начальства, мало зарабатывает и т.д.).*

Разумеется, при появлении отрицания картина переворачивается:

(12) а. *Иван неплохо починил приемник (поэтому можно слушать новости; поэтому его не надо нести в мастерскую; поэтому Иван успешно сдал экзамен и т.д.);*

б. *Иван немало работает (поэтому все успевает, на хорошем счету, неплохо зарабатывает и т.д.).*

Истинность/ложность возможных следствий мы и называем общей оценкой ситуации. Объяснительный потенциал этого понятия отчасти раскрыт в [Зельдович 1998а; 1998б], здесь же попробуем именно с точки зрения следствий посмотреть на семантику *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Во-вторых, чтобы задать ту меру 'малости', которая адекватна идее 'как бы не Р', достаточно, но не ища окольных путей, принять, что *ЕДВА Р* и *ЕЛЕ Р* значат:

'З' 'чего-то так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р'.

Уточненная формулировка позволяет полностью объяснить поведение наших слов в (5–8); и то, почему неприемлемы предложения (5а–8а), и то, почему хорошие конструкции (5б–8б) предельно близки к предложениям (5в–8в), в которых содержится отрицание.

Объясняются и другие факты.

I. Как известно, конструкции с *ЕДВА* и *ЕЛЕ* можно подвергнуть негации только одной ощутимой неловкости, причем отрицание синтаксическое (с помощью частицы *не*) исключается безоговорочно. Ср.:

(13) а. ? *Неправда, что хлеба едва (еле) хватило;*

б. * *Хлеба не едва (еле) хватило.*

Ситуация очень походит на ту, что складывается, например, в некоторых фразах с наречиями *МНОГО*, *ЧАСТО* и др. Последние способны быть и самостоятельной главной ремой, и входить в широкую главную рему и а р я д у с каким-то другим элементом (или элементами); ср. ниже соответствующие примеры (а) и (б) (здесь и далее главная рема выделена полужирным курсивом):

(14) а. *Иван приходит часто;*

б. *Иван часто приходит* (предполагается, что *часто* не несет здесь акцента).

(15) а. *Иван работает много;*

б. *Иван много работает* (акцента на *много* нет).

Там, где рема широкая, синтаксическое отрицание исключено, а несинтаксическое –

⁷ Следствия мы понимаем узко: это не вся информация, какую можно извлечь из высказывания, а только то, что естественный язык позволяет присоединить к исходному сообщению посредством слов *ПОЭТОМУ*, *ТАК ЧТО*, *И (ПОТОМУ)* и т.д.: ср. примеры (5б–8б); в последнем на причинность указывает только двоеточие, но мог бы – и союз. Таким образом, в понятие 'следствие' не включаются аналитически выводимые истины. Ср.: * *Иван ударил Петра, так что Иван и Петр существуют*; * *Иван ударил Петра, поэтому Иван двигался*.

посредством слов типа *неправда*, *сомневаюсь*, *вряд ли* и т.п. – допустимо, но не слишком удачно. Ср.: [?] *Неправда, что Иван часто приходит: он не приходит вообще*;
[?] *Вряд ли Иван много работает: скорее не работает вовсе*.

Учтя эту аналогию, надо думать, что в предложениях типа *Хлеба едва (еле) хватило* рема широкая: *едва (еле) хватило*. Это на первый взгляд противоречит той абсолютной рематичности *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, о которой говорилось в начале работы, и полностью согласуется с мыслью В.Ю. Апресян, что рассматриваемые слова, как правило, составляют часть широкой ремы [Апресян 1997: 29]. На самом деле противоречия тут нет совсем, а согласование – только частичное, ибо коммуникативное устройство *ЕДВА* и *ЕЛЕ* сложнее, чем кажется: предложения с этими наречиями имеют двойственную коммуникативную структуру.

Двойственные коммуникативные структуры – явление не очень частое, но безусловно существующее. Возникать они могут – подобно двойственному денотативному статусу [Падучева 1985: 100] – там, где один и тот же смысловой элемент входит в семантическую структуру как минимум дважды. Ср.:

(16) *Это сказал Петров, которому только и можно верить*.

Будучи союзным словом, элемент *которому* тематичен, а попадая в сферу действия *только*, оказывается вдобавок и рематичным. Не двойственная, а уже тройственная коммуникативная структура представлена, по всей видимости, во фразе

(17) *Иван редко ездит именно в Киев* (а чаще – в его окрестности).

Учтем теперь следующие обстоятельства.

Влиять на общую оценку способны только рематические, ассертивные смыслы.

Например, если

(18) *Джон перестал бить жену, и (поэтому) все обрадовались*, – то причина радости в том, что ‘сейчас Джон не бьет жену’ (ассерция), а не в том, что ‘раньше бил’ (пре-суппозиция).

Если

(19) *Ивану кажется, что он болен* (интонация нейтральная), – то следует обратиться к врачу; если же

(20) *Ивану **кажется**, что он болен* (акцент на *кажется*), – то следует скорее не обращаться к врачу, а изживать свою мнительность.

С этой точки зрения легко мотивировать почти синонимичность как будто противоположных сообщений (21а) и (21б):

(21) а. *Белье высыхало долго*;

б. *Белье **долго не** высыхало*.

С описанным принципом иногда играют поэты; ср.:

(22) *Мы пьем в любви траву **сладкую***;

*Но все **отраву** пьем мы в ней...*

(Е.А. Баратынский).

Далее, вполне очевидно, что именно ради общей оценки то или иное слово выдвигается в рему и что рема не может сразу и имплицировать, и отрицать то или иное следствие. Поэтому, если в широкую рему войдут элементы, влияние которых на общую оценку противонаправленно, то неизбежна грубейшая аномалия. По этой причине наречия *МАЛО*, *РЕДКО* и *ПЛОХО*, которые “как бы отменяют” сообщенное остальной частью предложения, в широкую рему не входят и главную рему составляют сами по себе⁸. Отсюда та иллюзия presupпозитивности Р, какая возникает в конструкциях *МАЛО Р*, *РЕДКО Р*, *ПЛОХО Р*.

⁸ Исключение из этого правила – сочетание *РЕДКО* с некоторыми мультипликативами. Но здесь *РЕДКО* не “отменяет” действия и, таким образом, не влияет на общую оценку. См. подробнее [Зельдович 1998а]. Что касается экзотического примера: *В Касбиме очень старый парикмахер очень плохо меня побрился...* (В. Набоков), то здесь рема, судя по контексту, широкая (*очень плохо побрился*), но это авторский прием, который, эксплуатируя презумпцию осмысленности, порождает идею ‘хорошее или плохое качество бритья не имеет никакого значения (никаких следствий)’.

Вернемся к *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. Разумеется, в силу толкования 'З', их влияние на общую оценку противоположно влиянию производящей пропозиции Р. Ср.: *Хлеба хватило* (Р), *поэтому все сыты*; *Хлеба едва* [еле] *хватило, поэтому есть голодные*. И точно так же, как *МАЛО*, *РЕДКО* и *ПЛОХО*, наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ* могут быть только главной ремой, а пропозиция Р отодвигается в тему.

Таким образом, рема в соответствующих предложениях узкая. И в то же время она широкая, поскольку пропозиция Р представлена не только сама по себе как тема, но еще и отображается в семантике *ЕДВА* и *ЕЛЕ* (вспомним 'З': 'чего-то так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р'), причем оказывается под отрицанием, которое один компонент Р обязательно рематизирует⁹: отсюда и невозможность синтаксического отрицания, которое при широкой реме всегда запретно, ср. (13б), и неловкость отрицания с помощью *неправда, что* в (13а).

П. В.Ю. Апресян [Апресян 1997: 29] отмечает странность предложения

(23) [?] *Едва (еле) повернув ручку, он открыл тяжелую дверь*

и объясняет ее тем, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, против своего обычая, находятся в теме. Однако, как видно из сказанного раньше, такого не может быть – иначе фраза (23) не странная, а просто неприемлемая. Кроме того, совершенно аналогичным будет поведение *ЕДВА* и *ЕЛЕ* во фразах типа

(24) [?] *Когда он едва (еле) повернул ручку, дверь сама отворилась*.

Здесь уже вполне очевидно, что наши слова не тематичны. Примеры (23) и (24) легко объяснить, как раз считая *ЕДВА* и *ЕЛЕ* главной ремой. И (23), и (24) несут смысл, который можно грубо представить как

'4' 'в то время, когда Р₁, имеет место Р₂'.

По каким-то причинам (в данном случае, посторонним для нас) оценочное слово главной ремой Р₁ быть не должно; гораздо лучше, если оно является частью главной ремы. Так, хотя обе позиции теоретически допустимы для близкого к *ЕЛЕ* и *ЕДВА* наречия *С ТРУДОМ*, оно, будучи в примерах типа (23) и (24) главной ремой, создает неловкость, зато как часть ремы – совершенно безукоризненно:

(25) а. [?] *Повернув ручку с трудом, он открыл тяжелую дверь*;

б. *С трудом повернув ручку, он открыл тяжелую дверь*.

(26) а. [?] *Когда он повернул ручку с трудом, дверь сама отворилась*;

б. *Когда он с трудом повернул ручку, дверь сама отворилась*.

Вот другие подобные примеры с оценочным словом *ПЛОХО* (оно абсолютно рематично) и с похожим по семантике выражением *С ГРЕХОМ ПОПОЛАМ* (которое обычно составляет часть ремы):

(27) а. [?] *Плохо сделав работу, он отправился в кино*;

б. *С грехом пополам сделав работу, он отправился в кино*.

(28) а. [?] *Когда работа была плохо сделана, он пошел в кино*;

б. *Когда работа была с грехом пополам сделана, он пошел в кино*.

Заметим также, что деепричастный оборот может вступать с главной пропозицией не только в темпоральные, но и в логические (причинные и противительные) отношения. В таком случае семантической структуры '4' нет, и рассмотренное ограничение не действует. Ср.:

(29) а. [!] *Едва (еле) повернув ручку, он не смог открыть дверь*;

б. [!] *Едва (еле) повернув ручку, он все-таки открыл дверь*.

⁹ Именно поэтому, кстати, когда на главный элемент Р падает сильное ударение, то подчеркивается не наличие Р, а его слабость и близость к не-Р. Ср.: *Штаны на нем едва держатся*; *Хлеба еле хватило*; *Машины еле двигались*. Вероятно, по той же причине исключается и постпозиция *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, ср.: * *Машины двигались едва (еле)*.

III. Аналогичного подхода требуют и приведенные в [Апресян 1997: 27] примеры:

- (30) а. ? Он приезжает в незнакомый город, едва (еле) находит место в гостинице...;
б. ? Тяжелоатлет выходит на помост, раскланивается, едва (еле) поднимает гирию и роняет ее;
в. ? Он едва (еле) повернул голову и улыбнулся.

В.Ю. Апресян связывает неловкость с какими-то идиосинкразиями *ЕДВА* и *ЕЛЕ* относительно видо-временной семантики глагола. Однако и тут поведение наших слов не уникально, а вытекает просто из их полной рематичности (вкупе с оценочным характером): если один компонент сочинительного ряда¹⁰ имеет главной ремой глагол или глагольную группу (глагол с зависимыми), то другой компонент не должен выдвигать на первый план оценку. Ср. похожие примеры, где фигурируют *С ТРУДОМ*, а также абсолютно рематичное *МАЛО* и его обычно бывающий частью ремы квазисиноним *НЕМНОГО*:

- (31) а. ? Он приезжает в незнакомый город, находит место в гостинице с трудом (‘... с трудом находит место в гостинице’);
б. ? Тяжелоатлет выходит на помост, поднимает гирию с трудом и роняет ее (‘... с трудом поднимает гирию’);
в. ? Он мало повернул голову и улыбнулся (‘Он немного повернул голову и улыбнулся’).

IV. Хорошо объяснима с точки зрения нашей дефиниции также симметрия между словами *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, с одной стороны и словом *ПОЧТИ* – с другой: как известно, первые очень часто можно заменить на *ПОЧТИ НЕ*.

В работе [Sadock 1981] убедительно показано, что конструкция *ПОЧТИ Р* смысл ‘Р не имеет места’ выражает не семантически, а прагматически. Беда, однако, в том, что не только чужие толкования *ПОЧТИ*, – например, толкование А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987], – но и предложенная самим Дж. Сэдоком экспликация все равно содержат – в качестве пресуппозиции – этот нежелательный компонент. По Сэдоку, *ПОЧТИ Р* значит, что Р имеет место в возможном мире, который не очень отличается от реального. Однако раз отличается, то, следовательно, в реальном мире ‘Р не имеет места’.

Выход из затруднения мы видим в том, чтобы сориентировать толкование *ПОЧТИ* на общую оценку – так же, как сделали это с *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. Тогда *ПОЧТИ Р* значит:

‘5’ ‘имеют место такие же следствия, к каким должно вести Р’.

Предвидя возможные возражения, заметим, что ни предикат *должен*, ни даже допустимый в нашей декомпозиции контрфактический кондиционал (ср. вариант толкования: ‘имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы Р’) с е - м а н т и ч е с к и не определяют ложность Р. Ср.: *Иван должен работать, и он работает. Если бы Иван работал, то у него горел бы свет; однако так и есть: Иван работает, и свет горит* (на примеры последнего типа обратил наше внимание А. Богуславский).

Из толкования ‘5’ уже прагматически (на чем правомерно настаивает Дж. Сэдок) выводится смысл ‘Р не имеет места’. В итоге вся аргументация указанной работы сохраняет свою силу, а мы, сопоставляя ‘5’ и ‘4’, наглядно видим источники квази-антонимии между *ПОЧТИ* и *ЕДВА/ЕЛЕ*.

V. Оказывается, что временное, союзное значение *ЕДВА* (у *ЕЛЕ* его нет, так как это слово несет идею о затрате ресурсов; см. ниже) – всего лишь особая реализация

¹⁰ Подразумевается собственно сочинительный ряд. Для квазисочинительного (т.е. осложненного причинными, противительными-или темпорально-инклюзивными отношениями; ср. соответственно: *Он промахнулся и досаждает; Он промахнулся – и ликует; С двух до трех он сидел у окна и грустил* ⇒ ‘пока сидел, грустил’, а не ‘с двух до трех грустил’) закономерности иные, более гибкие.

‘4’: в сферу действия *ЕДВА* попадает понятие о разделяющем два события времени; ср.: *Едва я вошел, как дверь за мной с треском захлопнулась* = ‘время, разделяющее события “я вошел” и “дверь с треском захлопнулась”, так мало, что дальнейшие следствия таковы, как если бы эти события временем не разделялись’.

В пользу смысловой тождественности временного и невременного *ЕДВА* говорит, между прочим, точно такая же (кажущаяся) двусмысленность соответствующих слов в некоторых других языках: не только в близком к русскому польском (*LEDWIE*; см. [Wierzbicka 1987]), но, например, и в английском (*SCARCELY*) или в испанском (*APENAS*). Ср. также английский оборот (*NO SOONER P₁, THAN P₂*, букв. ‘не скорее P_1 , чем P_2 ’ – хотя предполагается, что на самом деле P_1 все-таки произошло раньше. Толкование этого союза тоже удобно сорентировать на общую оценку: ‘следствие данной ситуации такие, как если бы P_1 произошло не раньше, чем P_2 ’, – откуда уже прагматически следует, что P_1 было все-таки раньше P_2).

В заключение нужно решить, какие же окончательные толкования (с точностью до ‘наблюдаемости’, которую условились не учитывать) мы дадим наречиям *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Толкование *ЕДВА* тождественно формулировке ‘4’. Разумеется, она оставляет широкий простор для конкретных интерпретаций. Наиболее изысканное осмысление необходимо там, где в самой по себе ситуации ничто не может быть малым и в то же время есть активный деятель (если его нет, неизбежна аномалия):

(32) а. *Мы едва достали билеты;*

б. *Иван едва выскочил из горящего дома.*

Здесь идея ‘малости вообще’ сужается до ‘малости ресурсов’, какими располагает агент, и в таком варианте *ЕДВА* предельно сближается с *ЕЛЕ*.

Толкование *ЕЛЕ* должно быть более узким, нежели толкование *ЕДВА*. Это видно хотя бы из их инклюзивной дистрибуции: всякое *ЕЛЕ* заменимо на *ЕДВА*, а обратная замена допустима лишь в частных случаях наподобие (32).

В.Ю. Апресян пишет, что *ЕЛЕ₁* акцентирует внимание на усилиях [Апресян 1997: 19–20]. Поскольку мы *ЕЛЕ₁* и *ЕЛЕ₂* объединили, то говорить об усилиях нежелательно, так как искомое толкование должно подходить и к примерам типа

(33) *Колбы еле касаются друг друга,*

где никакой активности субъект не проявляет.

Мы предпочитаем использовать более широкое понятие ресурсов. Чтобы его – хотя бы применительно к интересующему нас случаю – прояснить, рассмотрим примеры, где слово *ЕЛЕ* совершенно запрещено:

(34) а. * *Число X еле превосходит число Y;*

б. * *Иван еле похож на Петра.*¹¹

Обратим внимание на полный параллелизм между фразами (34) и (35):

(35) а. * *Разность между (фиксированными) числами X и Y изменилась;*

б. * *Общие черты Ивана и Петра изменились* (но оба остались точно такими же, как были).

В чем здесь причина аномалий? Очевидно, в том, что посредством *ЕЛЕ* градуируется такой признак, изменение которого неизбежно ведет к изменению самих объектов. Так, увеличить или уменьшить фиксированное число X нельзя: оно перестанет быть собой; если изменить число общих черт у Ивана и Петра, то они тоже (здесь – до известной степени) станут иными: можно будет говорить о *прежнем* Иване и *прежнем* Петре.

¹¹ *ЕДВА* вместо *ЕЛЕ* было бы в (34а) вполне уместно, а в (34б) чуть шероховато, но все же приемлемо. Откуда шероховатость, не вполне ясно. Кажется правдоподобным, что она связана с семантикой слова *похож*.

Другими словами, *ЕЛЕ* требует, чтобы при заданных неизменных участниках ситуация могла иметь место и могла места не иметь. Если *число X превосходит Y*, то обратное невозможно; если *Иван похож на Петра*, то не похожим быть не может – иначе как при введении дополнительных условий (*похож лицом, фигурой, манерой говорить* и т.д.) или темпоральной переменной (*сейчас похож, раньше был не похож* и т.д.).

Отсюда вытекает, что ресурсы – нечто сравнительно *п о с т о р о н н е е* данной ситуации, она представима и в отвлечении от них. Сугубо предварительное толкование, которое мы предлагаем, выглядит так: ресурсы – это

‘б’ ‘что-то, от наличия/отсутствия или количества чего зависит, имеет или не имеет места данная ситуация; данную ситуацию можно мыслить, не мысля об этом’.

ЕЛЕ Р значит:

‘7’ ‘ресурсов так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р’.

Полученные толкования, как нам кажется, имеют не только частный интерес, но и теоретическую ценность. Есть причины полагать, что подтвердившее свою объяснительную силу понятие общей оценки дает ключ и к семантике многих других слов, среди прочего – слова *ЧУТЬ* и слова *МАЛО*, которые с этой точки зрения поддаются смысловой декомпозиции. Показать это мы напомним в отдельной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анпресян В.Ю. 1997 – Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени // ВЯ. 1997. № 5.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1988 – Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
Зельдович Г.М. 1998а – Русские временные квантификаторы. Вена. 1998.
Зельдович Г.М. 1998б – О типах семантической информации: слабые смыслы // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
Boguslawski A. 1998 (manuscript) – On ‘good’ and ‘bad’ (manuscript).
Sadock J. 1981 – Almost // Radical Pragmatic. N.Y., etc. 1981.
Wierzbicka A. 1987 – The semantics of quantitative particles in Polish and in English // Od kodu do kodu. Warszawa, 1987.